

ПСИХОЛОГИЯ КАК ИГРОК В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ «ЧЕЛОВЕК-ОБЩЕСТВО»

Н.В. Лукьянченко

Следуя определению современного социума как психологического, автор показывает специфику сложного соотношения и взаимовлияния академической, практической психологии и психологического просвещения, их обусловленность возросшим значением психологии в жизнедеятельности и взаимоотношениях общества и человека.

Ключевые слова: психология, психологическое общество, академическая психология, практическая психология, психологическое просвещение.

Психология как отрасль гуманитарного знания теснейшим образом связана с жизнедеятельностью общества. Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время она является специфическим агентом социализации, своего рода линзой, преломляющей содержание представлений о «хорошо» и «плохо», ментальным посредником между человеком и обществом. Социальная роль психологического знания столь заметна, что становится предметом спонтанных, а в последнее время и целенаправленных рефлексий.

Разочарование во второй половине XX века в доктринах социального прогресса и результатах их конкретного воплощения в жизнь способствовало «Великому повороту внутрь себя» [1, 2]. На конференции в Цинциннати 1959 года А. Маслоу заговорил о «распаде всех источников ценностей вне самого человека», растущем убеждении, что ни экономическое процветание, ни демократическое правление не в силах придать жизни смысл и ценность, и, «если мы хотим найти то место в мире, где располагаются ценности, нам остается лишь заглянуть внутрь себя» [цит. по 1, с. 626].

Ирина Евгеньевна Сироткина и Роджер Смит, анализируя динамику состояния отношений психологии с обществом, отмечают, что за несколько десятилетий из скромной университетской дисциплины она превратилась в масштабную научно-практическую сферу деятельности и в культуре западных стран заняла ни много ни мало «доминирующее место». К психологии обращаются при решении проблем разного уровня: от индивидуального до широко социального. И вполне приемлемым стало квалифицировать западное общество как «психологическое». Этот определитель используется наряду с такими, как: «модернизм», «общество потребления» и т.п. [9]. Несколько позднее, чем в западных странах, такие процессы с некоторой спецификой стали разворачиваться и в России [10].

Проявления психологизации современного общества многоаспектны. Во-первых, это увеличение представленности специалистов психологиче-

ского профиля в различных сферах жизнедеятельности общества: в образовании, медицине, бизнесе, армии и т.д. По словам И.Е. Сироткиной и Р.Смит, психологическая профессия распространилась и даже получила политическую поддержку потому, что «психологи заявили, и общественное мнение им поверило, что их знания и экспертиза имеют инструментальную ценность, полезны и необходимы для блага индивидов» [9, с. 115]. Вместе со статусом полезного знания психология получила и определенные ожидания, в некоторой степени имеющие предписывающий характер. Как показывает практика, от нее ожидается объяснение зауживающе-каузального характера (возрастными, гендерными или индивидуальными особенностями) и при этом то, что на основе таких объяснений психолог сможет откорректировать системные дефициты социальной действительности. Например, во время одного коучингового мастер-класса, на котором мы присутствовали, его ведущая, посчитав необходимым определить дифференциацию между «коучингом» и «психологией», сделала это таким образом: «коучинг» помогает человеку в решении его важных жизненных задач, а «психология» является инструментом работы с эмоциональными проблемами. И.Е. Сироткина и Р. Смит в качестве примера манипуляции «психологической каузальностью» из жизни американского общества приводят объяснение студенческих волнений в американских университетах в 1968 г. не ужасами войны во Вьетнаме, а возрастным негативизмом их участников [9]. Предписываемая психологии возможность «разобраться с индивидуальным» становится в последнее время серьезной ответственностью, возлагаемой на ее специалистов. Эта тенденция очень ярко проявляется в новой концепции психологической службы образования, вмещающей школьным психологам пристрастное отслеживание траекторий развития всех детей, разработку и реализацию профилактических мер, обеспечивающих отсутствие девиаций разного рода.

Вторым важным аспектом психологизации современного общества, является то, что психологию стали воспринимать как важную составляющую проекта Просвещения, потенциал которого должен быть направлен на улучшение мира на основе рационального знания о человеке. Объекты психологического изучения – люди – сами являются потребителями психологической информации и субъектами ее применения [9]. Объем потока популярных источников с психологической тематикой свидетельствует о ее включенности в качестве неотъемлемой части общей жизненной компетентности современного человека. Люди начинают мыслить психологически, как им представляется, категориями, смотрят на мир сквозь «психологические очки», строят в соответствии с этим видением образ жизни и идентичность. И данный аспект имеет весьма противоречивую значимость для психологического знания и его роли в обществе. Последователь Мишеля Фуко британский исследователь Николас Роуз говорит о том, что Человек психологический пришел на смену Человеку моральному и Человеку

экономическому. Свободный от необходимости предписанной социальной роли, он также лишен и стабильного положения в обществе как своего рода пристанища. Жизнь отныне – путь. И идентичность в таком контексте является суррогатом необходимой устойчивости, превратившимся из данности в задачу, ответственность за которую несет сам индивид [8]. Сознательность политическая и социальная уступила место «сознательности сознания», констатирует Тимоти Лири и придает этому оптимистический смысл «Чудо в моих руках», говоря о всепоглощающем желании открыть новые типы совместного существования, новые образцы семьи, новые правила секса, новые стили жизни, новые эстетические формы, новые личные идентичности, способные наполнить жизнь новым смыслом [1]. В романе Э. Хемингуэя «Фиеста (И восходит солнце)» это звучит как: «Мне все равно, что такое мир. Все, что я хочу знать, – это как в нем жить. Пожалуй, если додуматься, как в нем жить, тем самым поймешь, каков он». Однако, возвращаясь к Н. Роузу, находим диалектический противовес торжеству идеи свободы в обоснованном указании на то, что свобода – это интернализированный социальный контроль [9]. Наполнение идентичности исходит из индивидуальной ассимиляции имеющихся в обществе содержаний и форм.

В обыденной жизни психология, по сути, рассматривается как копилка секретов «хорошей жизни», к которой можно обращаться со своим насущным запросом. Чтобы выяснить характер этого запроса, мы провели опросное исследование, в котором приняли участие более двухсот красноярцев в равном соотношении мужчин и женщин. Первым вопросом респондентам предлагалось указать, в решении каких задач общества и конкретного человека будут, по их мнению, наиболее полезны психологические знания. Диапазон ответов на него оказался весьма широким. Респонденты указали, что психологические знания нужны для решения настоятельных задач различных социальных сфер (политика, армия, религия, образование, бизнес, медицина, наука, спорт), для индивидуального развития человека (раскрытие потенциала способностей, формирование когнитивных функций, расширение возможностей самопознания и самореализации личности в обществе в сфере эффективности профессиональной и учебной деятельности, собственно производительности и продвижения по ступеням профессиональной карьеры, повышения стрессоустойчивости), оптимизации общения и отношений индивида с окружающими, взаимоотношений в рабочем коллективе, профилактики и разрешения конфликтов, разрешения противоречий межполового взаимодействия, взаимоотношений взрослых и детей, оптимизации семейных отношений в целом. Особенно важным, на наш взгляд является то, что многие респонденты указывали на необходимость психологических знаний для формирования культуры отношений в обществе в целом. Эти знания, по мнению отвечающих, могут помочь снизить тревожность, недоверие, агрессивность и конфликтность между социальными группами, нейтрализовать экстремистские настроения и усилить

духовную направленность настроя широких масс населения. Некоторое количество ответов определяло значимость психологических знаний в борьбе с такими социальными рисками, как наркомания, делинквентность, ранняя беременность.

Второй вопрос – «Если бы вам представилась возможность получать информацию по психологии, какие темы были бы Вам наиболее интересны?». При анализе ответов оказалось, что наибольший интерес для респондентов представляют темы, связанные с близкими отношениями и способностью переживать стрессовые нагрузки. На условно втором месте – темы, касающиеся проблем безопасности и эффективности взаимодействия с разными социальными субъектами. Третье место можно присвоить темам, связанным с различными аспектами психологического благополучия и развития собственного «Я».

Сравнивая данные по ответам в ракурсах «просвещение для всех» (первый вопрос) и «для меня» (второй вопрос), обнаруживаем, что психологическое знание в широких социальных контекстах может быть полезным, по мнению наших респондентов, в решении множества задач социальных и профессиональных сфер, призвано помогать человеку в саморазвитии и повышении эффективности жизнедеятельности. Личный же интерес оказался связан в первую очередь с налаживанием близких отношений и своей влиятельностью во взаимодействии. При том, что в ответах на первый вопрос встречается вариант «Повышение психологической культуры», в ответах на второй упоминание о ней совершенно отсутствует. Зато представлен запрос на информацию о развитии способности управлять влиянием (оказывать влияние, в том числе используя манипулятивные средства, и защищаться от чужого влияния). Профессиональная эффективность, весомо представленная в ответах на первый вопрос, в ответах на второй отражена только в теме карьерного продвижения. Иными словами, обращенный к психологическому просвещению тематический интерес «для себя» носит более эгоцентрический характер с гораздо меньшей выраженностью социальной направленности, чем то, что респонденты рассматривают как возможности психологического просвещения «для всех» [4].

Полезным для понимания подспудных универсальных установок, определенным образом оформляющих понимание психологического знания, на наш взгляд, является определение Светланой Владимировной Лурье (на основе анализа универсальных констант ментальности разных этносов) композиции ключевых образов, существующих не только на уровне сознания, но и на уровне коллективного бессознательного: 1) локализация источника добра; 2) локализация источника зла; 3) представление о способах действия, при котором добро побеждает зло. И в этом представлении обычно фигурирует некий внешний помощник, который совершает чудо перехода к искомому «добру» [7].

Обширнейшие рассуждения о потребности человека в чуде и оформившемся его дефиците вследствие секуляризации общества представлены в трудах Питера Уотсона [12]. В качестве компенсации такого положения дел может рассматриваться удивляющее своей тотальностью массовое обращение к ограниченному числу психологических понятий, которые становятся на определенный период своего рода трендами и даже мемами. Постигание и присвоение их сути многими фактически представляется как «чудо саморазвития».

Причем в России эти процессы разворачиваются как в общем для многих стран направлении, так и имеют некоторую специфику. Опросы показывают, что в России не очень высок процент желающих обратиться за помощью к психологу. Забавной иллюстрацией может служить гуляющая в сетях картинка с прекрасным пляжем тропического острова и надписью: «Вместо тысячи психологов». Не менее показательна ситуация из школьной практики, свидетелем которой нам довелось стать. В классе начальной школы стали пропадать вещи. И, в общем, понятно было, кто виновник. На родительском собрании учительница, выразив родителям пожелание самим разобраться с этой неловкостью, пригрозила, что в противном случае она будет вынуждена обратиться к психологу. И родители такой угрозы всерьез испугались.

Обращение к психологу до сих пор рассматривается как признание собственной несостоятельности. А интенсивная психологизация общества проявляется в обращении к источникам психологической информации. Такая особенность, по-видимому, является проявлением стремления к демонстрации неуязвимой уверенности. Сам себе психолог, сам выбираю то, что считаю нужным. О том, что такая особенность характерна для россиян, свидетельствует экспериментальное исследование, предметом которого была уверенность, а участниками – российские и немецкие студенты. Участникам эксперимента задавались разнообразные вопросы «на эрудицию», а затем вопросы о том, насколько свой ответ они считают верным. В отличие от немецких студентов, у которых нередко проявлялось сомнение, россияне уверенно утверждали, что их ответы правильные, хотя, разумеется, это было далеко от реальности.

Эта особенность закономерно связана с тем, что к психологическим (и околопсихологическим воззрениям) многие относятся как к истине в последней инстанции. Высоким спросом пользуются актуальные «трендовые понятия» и некоторые медиа-фигуры, транслирующие в категоричной форме рецепты правильного жития.

Между тем, важным аспектом для понимания взаимодействия психологического знания с обществом и человеком является ключевое отличие психологии от естественно-научных дисциплин с циклом: исследование – анализ данных – разработка технологии – получение искомого результата. Поскольку предмет психологии – психика – по своей природе со-

циальна, само психологическое знание имеет сложную социальную детерминацию. И все его понятия и модели историчны, появляются на определенном историческом этапе, в значительной мере в ответ на запрос определенного общества. Меньше всего психология может быть источником абсолютных истин [10].

Елена Павловна Белинская провела двухэтапное (2000–2001 и 2014–2015 гг.) исследование идентификационных моделей в подростковом и младше-юношеском возрасте. Сравнение показало, что за 15 лет изменился практически весь спектр возможных характеристик данных моделей. Собираемый портрет «героя нашего времени» в первом замере характеризовался следующими чертами: профессионально успешен, и это отождествляется с жизненным успехом в целом; не карьерист; но в результате успешной профессиональной самореализации имеет хороший уровень материального благополучия, его характеризует нравственные качества, своеобразный «кодекс чести», гражданская позиция, сводимая к патриотизму; добиваясь своих целей, способен быть самодостаточным и одновременно ориентированным на кооперацию; знаком респондентам лично и является фигурой современности. Обобщенный идентификационный образ участников второго этапа исследования – человек, не имеющий профессиональной принадлежности, что не является препятствием для того, чтобы «сделать карьеру», под которой понимается занятие должностей в государственных учреждениях; в вопросе материальной обеспеченности – «обычный человек». Из личностных особенностей обладает не нравственными качествами, а силой характера, обеспечивающей его жизнестойкость, «мужество жить» [3].

Появление и «вознесение» трендовых психологических понятий можно связать со сменой состояния умов, и их роль заключается в том числе и в том, что они придают восприятию действительности «прогрессивный» характер. Американский социолог Роберт Нилли Беелла говорит, что каждому историческому периоду необходим нарратив, который определяет современность и будущее, как более прогрессивные и направленные на дальнейшее улучшение. Теории и концепты служат не только объяснению мира рациональным образом, но и обеспечению «смысла и мотивации» [Цит. по 1]. Они служат метаязыком, который указывает людям, как им следует жить. Следует при этом понимать, что, даже если концепт появляется в сугубо академическом контексте, востребованный широкой публикой он теряет качество научности. Если для психологической науки сущевыми определителями являются «факт» и «дискурс», для практики психологической помощи – «диалог», то обычные люди обращаются к психологии в поисках «информации». Говоря иными словами, немногочисленных и не подвергающихся сомнению конструкторов-идеологов. Интересно, что такое упрощение начинает оказывать серьезное влияние и на исследовательский пласт психологии. Во-первых, потому что запрос по-

рождает спрос (и заказ) на определенные фокусы внимания, во-вторых, потому что психологи «тоже люди» и «люди своего времени» и так же подвластны влиянию интеллектуальной моды. В результате исследования начинают превращаться в однонаправленный поток поисков условий и факторов получения тех характеристик, которые обозначаются трендовым понятием. И мало того, что суть понятия может трактоваться очень вольно, его абсолютизированная полезность не подвергается сомнению и не проверяется.

Таково, например, положение одного из базовых для «психологического человека» понятия «Психологическое благополучие», трактуемого как идеальная модель состояния личности, априори преодолевающей противоречия взаимодействия индивида и общества. Поскольку психологическое благополучие понимается как условие продуктивной самореализации, его стали рассматривать в качестве универсальной личностной детерминанты профессиональной успешности. Поэтому его диагностика используется как процедура, позволяющая оценивать и предсказывать эффективность деятельности работников государственных служб, личностную готовность к профессиональной деятельности психолога и т.п., включается в процедуры профотбора и планирования кадровой политики. В практике психологических тренингов и консультаций, направленных на повышение профессиональной компетентности, также в большей или меньшей степени реализуется направленность на оптимизацию психологического благополучия личности профессионала. В силу исходной самооценки идеи психологического благополучия внимание психологов сконцентрировалось в проблематике его содержания, условий и факторов формирования. И эта тенденция стала приобретать крайние, даже гротескные формы. Так, на очень солидной конференции мы слушали доклад об организационных факторах психологического благополучия Санкт-Петербургских метростроевцев. При этом вопрос о том, какие особенности жизнедеятельности и отношений, реализуемые человеком в актуальных контекстах современного общества, связаны с психологическим благополучием, получил очень мало внимания исследователей.

Будучи поставленным, этот вопрос, как оказалось, может получить неожиданные ответы. Так, Я.И. Павлоцкая, проведя исследование соотношения психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности у студентов, выявила, что психологически благополучные молодые люди социально пассивны, у них нет стремления оказывать влияние на социальную действительность, быть активными с точки зрения социальных изменений, инициировать социальные контакты, проявлять активную гражданскую позицию. Психологически благополучные личности как бы закрыты от всего остального социума, осознанно или неосознанно разграничивая сферы «имеет ко мне отношение» – «не имеет ко мне отношения». Их характеризует уверенность в себе, в собственном по-

тенциале и вместе с тем, социальная адаптивность (изменение собственного поведения) в зависимости от актуального социального запроса. Одновременное стремление к личностному росту, саморазвитию, и вместе с тем, социальная пассивность, выражающаяся в отказе от влияния на социальную действительность, могут провоцировать внутренний конфликт. Поэтому самореализация психологически благополучной личности смещается в сторону близкого круга общения, а общественные процессы определяются как отдельные, отдаленные и непонятные, с фоновой негативной эмоциональной окраской [8].

Нечто похожее было получено нами в исследовании, выполненном по запросу руководства предприятия нефтегазовой промышленности о «выявлении самоактуализационного потенциала профессионально значимых качеств руководителей среднего звена». Интересен контекст данного запроса. Организационная структура предприятия жестко иерархизирована, многоступенчатая и при этом ориентирована на быстрые решения, обусловленные экстремальными условиями производства. Основные проблемы в области «человеческого фактора» – ставшие систематическими и доходящие до жалоб в вышестоящие инстанции конфликты подчиненных с руководителями, проволочки, обусловленные в том числе слабым взаимопониманием в коммуникациях как по горизонтали, так и по вертикали, и хроническая кадровая текучесть. В представлении руководства предприятия интенсивность этих проблем могла быть снижена посредством кадровой политики, позволяющей более высокие должности занимать работникам с более высоким уровнем психологического благополучия. Это представление базировалось на схеме: психологическое благополучие ведет к самоактуализации, самоактуализация обеспечивает максимальную реализацию обеспечивающих эффективность деятельности качеств личности и, как следствие, наилучшее решение управленческих задач и проблем. Для диагностики психологического благополучия в исследовании использовалась получившая широкое распространение методика К. Рифф. Ее результаты связывались с данными методик, выявляющих индивидуальные особенности сформированности профессионально значимых качеств и рабочей мотивации руководителей. Согласно результатам исследования с высоким уровнем психологического благополучия связаны, с одной стороны, продуктивное отношение к работе и наряду с этим низкая направленность на людей и высокий уровень желаемого удовлетворения своих потребностей. Можно говорить об определенном организационном эгоцентризме психологически благополучных руководителей. И изначальная посылка для позволившего провести исследование запроса руководства предприятия оказалась в противоречии с полученными результатами. Проблемы предприятия, связанные с вертикальными коммуникациями и кадровой текучестью не только не могли быть снижены в своей интенсивности за счет фактора психологического благополучия руководителей, но, скорее,

наоборот, в данных организационных условиях психологически благополучные руководители могли эти проблемы «закреплять» [6].

Не абсолютно положительная характеристика была нами также получена и в исследовании еще одного психологического тренда – «эмоционального интеллекта». На примере этого понятия можно иллюстрировать качественные скачки в приоритетах психологической идеологии управленческой эффективности. Выделенные Куртом Левиным стили руководства и представление о том, что интеллект является хорошим помощником управленца, продержались некоторое время в приоритетах у исследователей и практиков. Но реальность не подтвердила их абсолютной значимости. Это вызвало необходимость выявления и других детерминант эффективности, которые, заработав статус революционных открытий, быстро становились новыми трендами. Абсолютным победителем по популярности стал «эмоциональный интеллект». Первоначально этот конструкт появился в академическом контексте. Но благодаря книге Даниеля Гоулмана, в которой он рассматривался как ключевой фактор социального успеха, получил статус «Только ленивый не интересуется эмоциональным интеллектом» и некоторую священность абсолютно полезной для жизни характеристики.

Но, когда мы включили показатели эмоционального интеллекта (а также креативности и оптимизма) в исследование факторов, препятствующих эмоциональному выгоранию торговых представителей, оказалось, что эмоциональный интеллект не только не защищает от выгорания представителей этой профессии, но наоборот, способствует ему [5]. А исследование на профессионально разнородной выборке показало, что экологичность влияния эмоционального интеллекта гендерно специфична. Если женщинам он помогает справляться со стрессовыми нагрузками, то у мужчин способствует проявлению некоторых характеристик профессионального выгорания [3]. Что касается роли эмоционального интеллекта в успешности руководства, то ярославские исследователи выявили, что самые высокие его показатели у самых неэффективных руководителей с авторитарно-попустительским стилем. У эффективных же – средний уровень.

Таким образом, можно заключить, что академическая психология, практическая психология и психологическое просвещение находятся на современном этапе в сложном соотношении и взаимовлиянии, обусловленном заметно возросшим значением психологии в жизни современного общества и человека и ее роли в их взаимоотношениях. Состояние этой сложной системы взаимовлияний требует рефлексивного внимания профессионалов и определения средств повышения их продуктивности.

Литература

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013.

2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
3. Белинская Е.П. Идентификационные модели подростков и молодежи: «герои нашего времени» // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.04.2019).
4. Аликин И.А., Аликин М.И., Лукьянченко Н.В. Взаимосвязь эмоционального выгорания с эмоциональным интеллектом и диспозиционным оптимизмом у мужчин и женщин // Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра: материалы международной научной конференции, 25–29 октября 2016 г., в 2-х томах. Том 2. СПб.: Айсинг, 2016, С. 239-240.
5. Аликин И.А., Аликин М.И., Лукьянченко Н.В. Исследование обыденных представлений о психологическом просвещении // Современные исследования социальных проблем. № 9(65), 2016.С. 33-46. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-9-33-46
6. Зарипов Р.Г., Лукьянченко Н.В. Личностные факторы эмоционального выгорания торговых представителей // Экономика и управление в современных условиях: материалы международной (заочной) научно-практической конференции. Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии». – Красноярск, 2014. С. 114-118.
7. Лукьянченко Н.В. Взаимосвязь профессионально значимых качеств личности и рабочей мотивации руководителей с их психологическим благополучием // Сибирский психологический журнал. № 62. С. 153-169. DOI 10.17223/17267080/62/12
8. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998.
9. Павлоцкая Я.И. Соотношение психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности. Дисс...канд. психол. наук по спец. 19.00.05 – социальная психология (психологические науки) Волгоград, 2015. 183 с.
10. Роуз Н. Психология как «социальная наука» // Иностранная психология. 1993. Т.1. №1. С. 39-46.
11. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество» к характеристике феномена // Психологический журнал, 2006, том 27, №1, с. 114-121.
12. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 3, с. 73-90.
13. Уотсон П. Эпоха пустоты. Как люди начали жить без Бога, чем заменили религию и что из всего этого вышло. М.: «Издательство «Эксмо», 2017.